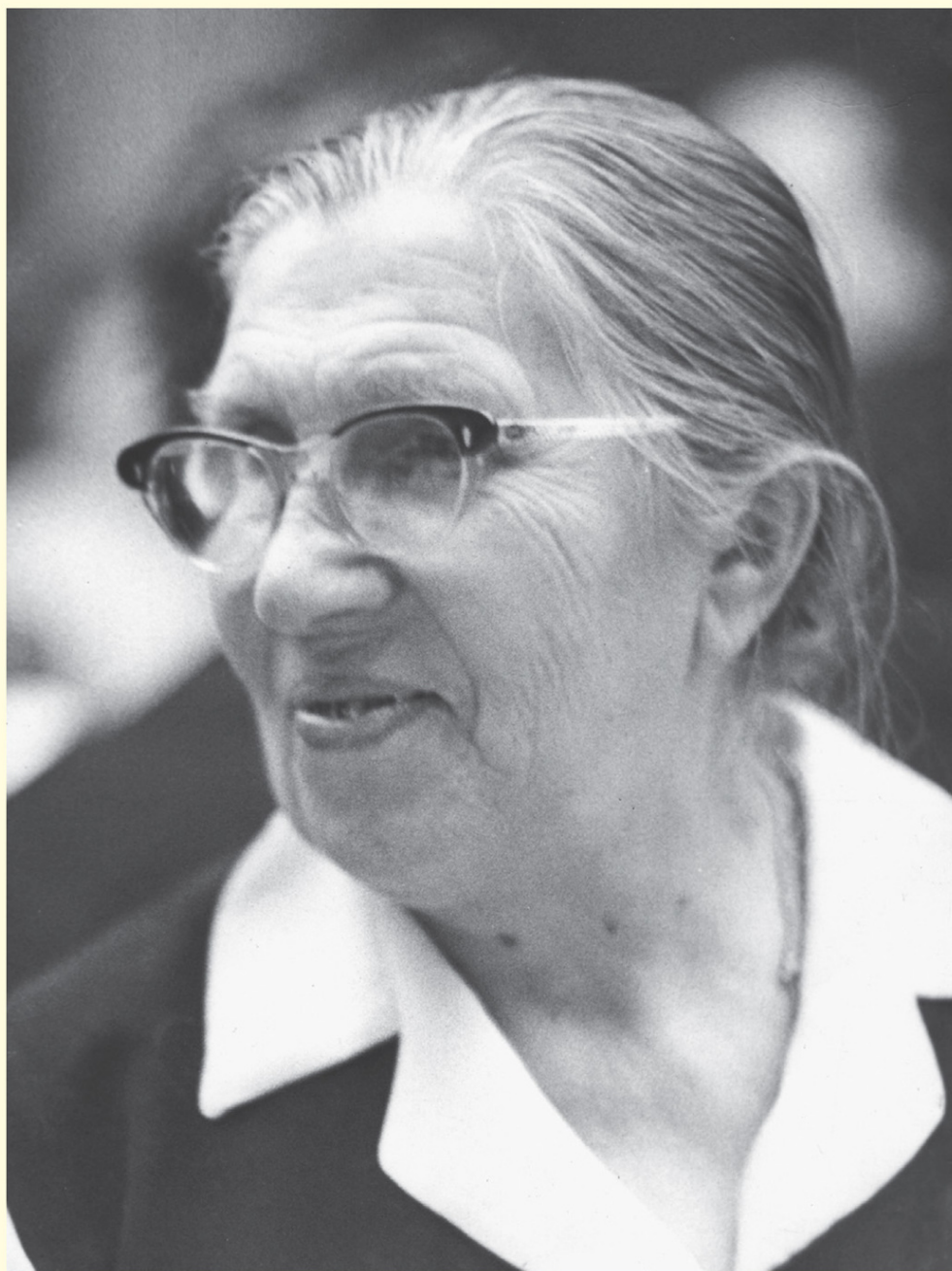

Борис Рогатин

НЕСГИБАЕМЫЕ

Борис Рогатин
Несгибаемые

«У Никитских ворот»

2017

УДК 82-94
ББК 83

Рогатин Б. Н.

Несгибаемые / Б. Н. Рогатин — «У Никитских ворот», 2017

ISBN 978-5-00095-415-7

Книга посвящена ушедшему в прошлое поколению, не сломленному годами репрессий и военного лихолетия, жившему суровой романтикой ударныхстроек и созидания родной страны. Массового читателя ожидают встречи с известными и неизвестными героями: шахтерами, строителями, военачальниками, космонавтами, спортсменами и многими другими, кто оказал влияние на судьбу автора.

УДК 82-94
ББК 83

ISBN 978-5-00095-415-7

© Рогатин Б. Н., 2017
© У Никитских ворот, 2017

Содержание

Народ-корень	5
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Борис Рогатин Несгибаемые

*...Твой дальний друг перед твоим портретом
Замедлит шаг, забудется – томим
Какой-то сладкой завистью, тоскою
О давней жизни, прожитой тобою.*

И.А. Бунин

Народ-корень

Мучительно долго писал я эти строки. Словно прорывался в область недоступного знания. Страдал от непонимания: в чем причина?.. Тот самый пуд соли с автором исповедальной, задумчивой книги, которую держите в руках, мы съели уже давно. Да в каких краях! Сперва в Сибири. На Кузнецкой земле. В отрогах таинственного Алтая. Потом в Москве. Где нынче тайн значительно больше, нежели в местах нашей молодости.

Еще лет двадцать назад, не где-либо, в «Исторической газете» он назвал меня своим любимым писателем. Разве это не обязывает?.. И вот любимец его не мычит, как раньше говорили, и не телится, а все только пытается заглянуть неизвестно в какие глубины...

Потом однажды я понял: дело не только в неординарной личности автора. Загадка больше в неопределимом, непредсказуемом времени, в котором всем нам выпало жить.

Трагический для России XX век не однажды пытался стереть в умах образы прошлого и навязать народному сознанию новое видение собственной истории. Родовая память страдала при этом в первую очередь. Какие там тебе пращуры!.. До родословных ли, если нынче велят забыть одно, завтра – уже другое.

В этом смысле давнему моему другу и, несмотря на малую возрастную разницу, наставнику, а случилось – заступнику явно повезло. От предков ему досталась многозначная, сама за себя говорящая фамилия: Рогатин.

Не станем обижать обладателей фамилий менее выразительных, а то, бывает, насмешливых либо, прямо сказать, компрометирующих. Но вспомним!.. В седые времена пойти на зверя с рогатиной могли себе позволить только люди особого склада: и духовного, и физического. То была неписаная привилегия негромкого мужицкого рыцарства. Местом его прописки были не «бархатные» книги дворянства, а собранный потом по крупицам радателями России народный героический эпос.

И вовсе не случайно, я убежден, десятилетия подряд именно Рогатин стоял у истока нашего державного богатырства. Которое носит невыразительное, как бы даже скучное на нынешний взгляд название: физкультура и спорт.

Но разве это не наше с вами здоровье? Не сбережение самого главного, какое еще осталось у нас, достояния – национальной крепости, изрядно пошатнувшейся за век жесточайших перемен?

Бывает, не слишком задумываясь, о ком-либо говорим: это, мол, написано у него на роду. В случае с Рогатиным, убежден, так и есть. Более того. Плоть от плоти могучих предков, сам по природе рыцарь, он сознательно привносил дух рыцарства и в ту область, в которой соединяется, казалось бы, несоединимое: соленый пот и тонкий расчет. Умение стойко перенести и горечь поражения, и бремя победы.

Думай он только о себе и о пережившей столько невзгод своей родове, старший друг мой, уверен, мог бы стать блестящим инженером, а нынче уже и богато обеспеченным шахтовладельцем. Мог быть известным ученым в многосложном горняцком деле либо уже на том поприще, на которое привел его, успешного спортсмена, не случай – сама судьба. Сколько нынче перед глазами растиражированных примеров щедрой удачи!

Но в том и дело, что цели, измеряемой рублями, а после иностранной валютой, у него не было. Судя по всему, быть изначально не могло.

Не позволило появиться таившееся под толщей естества артельное начало? Восторжествовало свойственное русскому человеку общинное сознание? Эта горькая, жертвенная беда наша... И – по большому-то счету – спасительная для Родины-страдалицы радость.

Правдолюбец неукротимого тамбовского закваса соседствует в моем друге с надежностью и терпением сибиряка, не позволяющего себе опрометчивых решений. Может быть, это некая метафизическая, добытая печальным опытом поколений надвременная черта?

Которой в первую очередь как раз безжалостное время и пользуется. Словно отмычкой: надо, мол!..

В пору «железных прорабов» и ударных сибирских строек, которые нас не то что объединили – спаяли, бытовал такой якобы исключительно управленческий термин: «специалист по живому делу». Этими «спецами» остаются потом, как теперь понимаю, до «возвращения в Отчий дом». До перехода в иной мир. Такие «спецы» словно вбирают в себя все лучшее из прошлого, чтобы противостоять худшему в настоящем. Во имя будущего.

Таким остается и старый мой друг и соратник. Несмотря на его сугубо гражданский статус, как раз о таких человеческих особях, свято блюдущих верность и достоинство, писал француз Альфред де Виньи в своей известной книге «Неволя и величие солдата».

Теперь уже старого, разумеется, солдата. Так и не поднявшего руки. Но и не опустившего рук. Не сдавшегося непреодолимым обстоятельствам бойца. Покрытого, как шрамами, сеткой ветеранских морщин. С молодыми глазами извечного русского мальчика.

Нынче, когда из уст спортивного комментатора во время горячей коллективной игры либо напряженного поединка услышишь о ком-либо восторженное «краса-а-вец!», невольно вспоминаешь своих давно поседевших сверстников: поглядели бы вы, ребята, какими когда-то были они!

Поймете ли, когда станете, даст бог, старше, сколько они в суровое свое время для вас сделали?! На первый взгляд малозаметного. На самом деле – как воздух для Отечества необходимого. Сделали, оставаясь сами в тени успеха. А это ведь тоже непростое умение. Не исключая, самой высокой человеческой пробы.

В моем дипломе журналиста в графе «профессия» обозначено: литературный работник. Сокращенно – «литраб».

Многосложное это, но счастливое рабство заставило меня в свой час помогать знаменитому конструктору-оружейнику Михаилу Тимофеевичу Калашникову, который в лихие девяностые трудился над своими мемуарами «От чужого порога до Спасских ворот». Мне выпало стать, по сути дела, биографом удалого циркового наездника, народного артиста СССР Ирбека Кантемирова, долгие годы возглавлявшего всемирно известную группу джигитов «Алибек». Не однажды приходилось писать о легендарном рукопашном поединщике Федоре Емельяненко, но и общаться с Мастером, общепризнанным учителем рукопашки Алексеем Алексеевичем Кадочниковым. Довелось близко видеть и знать многих известных соотечественников, прошедших испытание «медными трубами» громкой славы в самом ее зените. Это и космический генерал А.А. Леонов, и легендарный генерал – охранитель народа российского И.Ф. Шолов. И, может быть, как раз оттого-то мне щемяще понятен и дорог коллективный снимок, хранящийся в архиве Бориса Рогатина: чемпионская сборная СССР по хоккею 70-х годов. Та самая ставшая чуть ли не мифической «Красная машина».

На снимке, по обе стороны команды, два человека не в красной спортивной форме с гербом Союза на груди – в гражданских костюмах. Старший тренер Анатолий Владимирович Тарасов, чуть ли не главный тогда в стране исповедник «неволи и величия». И – партийный чиновник Борис Николаевич Рогатин... «Сбоку припека»?

Кому-кому, а мне в силу разных обстоятельств лучше других известно: уж нет!

Иногда мне сдается: примером своей безграничной преданности богатырству Матери-России он и меня сделал в определенном смысле «спортивным» писателем. Твердо внушив, что слова «спорт» и «порядочность», «спорт» и «достоинство», «спорт» и «честь» – неразделимы.

После я напишу свою «Красную машину», в которой он станет одним из главных действующих лиц. Удивлюсь потом и обрадуюсь, когда один из моих старых товарищей, Анатолий Пренко, живущий на юге и никогда с Рогатиным не встречавшийся, чуткий и глубокий писатель, отметит в пылкой своей рецензии как удачу именно его «светлый образ». «В Борисе Рогатине он (автор «Красной машины». – Г. Н.) восхищается удивительно русской чертой: радоваться чужому успеху».

Нынче думаю: может быть, именно эта бескорыстная и даже несколько беспечная особенность русского характера и стала «камнем преткновения» нынешних мировых разногласий?

И в исповедальной книге Бориса Рогатина, и в моем романе есть общая сцена: презентация воспоминаний Александра Кикнадзе «Тайнопись. События и нравы зашифрованного века». На которой автор сердечно благодарил Рогатина за братскую помощь в так называемые застойные годы: Борис, будучи якобы «типичным партократом», дал издательству «Советский писатель» бесстрашное положительное заключение на острый роман Александра «Игры в футбол».

Как искренне я в тот час радовался публичному братанию «либералов» с «патриотами»!.. А через месяц-другой простодушно позвал в писательский клуб одного из главных устроителей презентации «Тайнописи». На свой творческий вечер. И он воскликнул почти испуганно: «Извини меня, милый!. Ты знаешь, как я к тебе отношусь. Но прийти не смогу: наши мне этого не простят!»

И я открыл тогда для себя еще одну тайну. Уже нашего, более, может быть, многосложного и беспощадного времени: война продолжается. Презентация Александра была только перемирием, устроенным его благородным порывом.

Почему война – без кавычек?

Да потому что она так и не прекращалась, начавшись еще до августа 14-го. Или разговоры о «гибридных методах» – всего только досужие домыслы? Если, мол, нет, это правда, – они еще только планируются. Такие войны.

Нет же: в самом разгаре.

Мы на временном острие еще небывалого дотолесражения. Сдав политику с экономикой, с великим трудом и крайним напряжением сил удерживаем теперь последний рубеж: духовный.

И наша, считай, единственная надежда – так до конца и не понятый нашими заклятыми друзьями «русский характер». Читай: российский. Как это понимают наши друзья истинные. За время горьких бед и общих радостей ставшие нам и действительно братьями.

Только на него нам, на рыцарский народный характер, и опираться. Ведь опираться можно только на то, что не гнется.

Как не гнулась вековая, тысячелетняя рогатина, некогда сдерживающая буйную силу властителя бескрайнего Русского Леса... И постепенно, благодаря уму и терпению ее недюжинного владельца, рыцаря от земли, обратившая природный медвежий образ уже в другой. Иносказательный. Символический. Которого так боятся в нас наши ненавистники.

В образ Русского Медведя.

Гарий Немченко

Часть I

История одной семьи

Глава 1

Ужасы ноябрьской ночи 37-го года

Недавно мне пришлось стать невольным свидетелем разговора двух женщин. Судя по скромной одежде, они были из сельской глубинки. Спор шел о нашей сегодняшней жизни. Я слышал лишь часть их бурной перепалки.

– Как может моя соседка говорить, – горячо доказывала самая молодая из них, – что ей хоть впору вешаться, встречая каждый Божий день?

– Что ты, Бог с тобой! Неужели это впрямь так серьезно? – робко возразила вторая.

– Говорит, что ей нечем кормить ребячью ораву. Разве у нее головы, рук нет? – не унималась женщина. – Я вот техникум окончила, а пошла работать уборщицей. Ну и что? Раз другого ничего нет. А у нее есть огород, хозяйство, и она, видите ли, готова руки на себя наложить от безысходности. Я так скажу, подруга, – разучилась она работать и за страх и за совесть!

Мне неудобно было слушать продолжение жаркой дискуссии. Я обогнал их, но слова эти и отчаянная решимость и вера, с которой они были сказаны, о многом напомнили.

Одна за другой передо мной стали возникать картины жизни нашей семьи, пять поколений которой на моей памяти пережили вместе со страной и горе, и радости.

Я стал записывать их.

Откуда берется это осознание, что главное в нашей жизни – труд и от труда каждого зависит успех всех? – эта мысль, словно клюв дятла, снова и снова долбила растревоженный воспоминаниями мозг.

Любовь и уважение к труду мы унаследовали от своих предков. Наши деды и прадеды жили и работали на земле. Отец начал свой трудовой путь в колхозе, а в свободное от колхозных забот время работал на транспорте и, как писала мама в одном из обращений к руководству страны: «Среди рабочих транспорта воспитывался революционным советским духом».

А чтобы представить, каково было совмещать труд колхозника с работой на транспорте, назову лишь одну цифру – за год в колхозе отцу начисляли свыше ста трудодней! И это были не те трудодни, которыми я возмущался в бытность секретарем обкома комсомола, когда колхозные мужики проводили их за перекурами. Трудодни отца приходились в основном на летние месяцы. За свой трудодень во время жатвы он мог скосить вручную до одного гектара зерновых! Мама едва успевала за ним вязать снопы. А еще надо было работать каждую смену на транспорте.

У нашего дома был громадный, как казалось в детстве, участок земли, который засевался пшеницей. Была, доставшаяся при разделе семьи отца, корова, имелись овцы. И это все тоже требовало забот. «А как же, – говорили родители, вспоминая те годы, – вас ведь в семье было пять ртов, и все мал мала меньше. Да и дом надо было обиходить, хозяйство содержать».

Замуж мама вышла по уговору родителей. Рогатины считались семьей работающей, зажиточной. Ведь стены их дома были выложены из кирпича, крыша покрыта железом – это была редкость на селе в те годы. Правда, жилой площади было всего-то около сотни квадратных метров, и на ней непонятно как размещались парализованный отец, мать, сестра, пять братьев, их жены и малые дети новых семей. Среди этой малышни подрастали и наши старшие: Ваня и Клава.

Вскоре отец был призван в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии. Служил он, с гордостью вспоминая позже, в воинской части, из которой вышел прославленный «сталинский сокол» М. Громов.

После службы в армии отец вернулся на транспорт осматрщиком вагонов. Эта профессия в те годы была крайне ответственной. От внимательности и добросовестности осматрщика вагонов зависела работа подвижного состава. Недоглядел, недолил масла в буксу, не услышал дефекта (по ступице стучали молотком), неправильно определил температуру колесной пары (а ее обязательно для этого трогали рукой) – жди неприятностей. Букса может загореться, и до крушения состава недалеко.

За 17 лет работы в этой профессии он не имел ни одного замечания. Был ударником, стахановцем, неоднократно премировался. Однажды был поощрен даже такой необычной для тех времен наградой, как путевка для сына-отличника в пионерский лагерь «Артек».

Казалось, в этой отдельно взятой семье, сбывались сталинские слова: «Жить стали лучше, жить стали веселее». Наконец-то встали на ноги, начали выбиваться из нужды. Живи, работай, люби, радуйся успехам подрастающей ребятни! Но судьба уготовила этой семье страшное испытание.

Заканчивался 1937-й... Накануне мне исполнилось четыре года. Но та ноябрьская ночь осталась в памяти на всю жизнь как невозвратная потеря чего-то светлого, дорогого. Эта страшная ночь при воспоминании о ней заставляет до сих пор в безысходной тоске сжиматься сердце.

Нас разбудил громкий стук в дверь. Все подскочили на своих лежанках. Папа пошел открывать, недовольно ворча: «Кого это там нечистая носит?!»

Вместе с клубами морозного воздуха в избу ввалился человек в форме, за ним двое соседей – понятые. Мы с младшим братом, сжавшись комочками на полу (это было наше место для сна), запомнили ставшее роковым: «Собирайся!» И, достав из сумки большой лист бумаги, этот человек начал читать вслух.

Мы смотрели на происходящее глазами, полными ужаса, ничего не понимая. До детского сознания дошло лишь, что случилось что-то страшное, несправедливое. Мама зарыдала в голос и вцепилась в папу мертвой хваткой. «Не пущу!» – кричала она. Старшие в тревоге сгрудились вокруг мамы. К ним примкнули и мы с братишкой, истошно ревя и растирая кулаками слезы.

Соблюдая формальность, человек в форме деловито оглядел наше скромное жилище, порывлся в лежащих на столе учебниках и в сопровождении стоявшего все это время у двери с винтовкой в руках солдата увел отца.

– Кормилец, труженик, на кого же ты нас оставляешь?! – причитала мама.

– Не волнуйся, Маня, разберутся! – были последние слова отца, прежде чем он обнял всех нас на прощание.

В эту ночь все изменилось в жизни нашей семьи. Мы потеряли опору. Тягостная, удручающая пустота наполнила дом.

Я часто спрашиваю себя, вспоминая то время: «Неужели надо было в служебном рвении работников сельского совета разрушать налаженную жизнь рабочей семьи? Был ли какой-то заговор против власти? Разве семья безмерно не трудилась? Не верила в светлое будущее страны? Зачем? Какой смысл? Как это можно понять? Можно ли вообще это понять?»

«Нет! Осудить, и точка!» – был донос.

Арест отца принес в семью не только моральные травмы и беспросветную нужду. Вряд ли задумывался тогда кто-либо из вершителей судеб людей, что активный строй созидателей страны лишился дееспособных энергичных граждан. Разве мог их дармовой труд на лесоповалах и в исправительных лагерях компенсировать то, что смогли бы свершить эти труженики своим умением, созидая страну?! Кстати, такая же участь постигла и младшего брата папы – Андрея Васильевича, который сгинул бесследно в этих лагерях, и на хрупкие плечи несгиба-

емой женщины – его жены Марии Ивановны взвалились заботы о выживании дружной и трагичной семьи, в которой кроме трех дочерей была еще престарелая мать.

Судьбы многих людей показали всю глубину нравственного раскола советского общества в конце 30-х годов. С одной стороны – работяги, продолжатели семейных трудовых традиций, люди высокой морали. И их было большинство. С другой – приспособленцы, завистники, горлопаны, прислужники, подхалимы у власти и приближенные к ней. Подобные им лицемеры и поныне часто определяют восприятие того времени. Люди с разными моральными нормами и принципами оказали в дальнейшем огромное влияние на жизнь нашей семьи в целом и судьбу каждого в отдельности.

Глава 2

Семья «врага народа»

Жизнь нашей семьи уже не могла быть прежней.

Мирная, спокойная и счастливая, она оборвалась в один момент. Арест отца разделил ее на жизнь «до» и «после».

До – это какие-то едва проблескивающие воспоминания о светлом мире, ласковых руках родителей, рождественских и пасхальных праздниках, запахе парного молока, поездке с бабушкой Ильей Илларионовичем через старый сад на покос... Да разве возможно перечислить все то, что вразброс выхватывает память и заставляет млеть стареющее ныне сердце!

После – это постоянно холодеющее внутри тебя сознание нескрываемого презрения ровесников и тяжелого груза семейных забот. Это сбор посылок отцу и тревожное ожидание вестей. Это наши письма к нему и зачитываемые до дыр весточки из неволи. Это постоянные тревоги, беспокойства, хлопоты. Их хватало каждому в семье. Лишь на считанные минуты мы могли оторваться от домашних забот, огорода, рынка, школьных заданий, чтобы поиграть в лапту, погонять футбольный мяч или покататься на самодельных лыжах.

Вспоминая то время, преклоняюсь перед мужеством и невероятной силой духа мамы – Рогатиной Марии Ильиничны, во всем необоримом величии проявившей любовь и преданность мужу и детям. С пятью детьми на руках, без работы и нажитого добра она не оставила надежду вырастить детей здоровыми, выучить их, дать профессию, чтобы всегда могли зарабатывать на жизнь, на ломоть хлеба.

В связи с арестом отца-кормильца и нищенским положением семьи, казалось, не могло быть и речи о том, чтобы старший брат заканчивал десятый класс. Но, несмотря на нужду, родители мамы Илья Илларионович и Анна Никифоровна Духанины набрали из последних крох необходимую сумму для оплаты обучения и не позволили Ивану бросить школу.

Эти воспоминания о наших предках и ныне вызывают жесткие спазмы в груди – сказывается все: и горечь потерь, и бесправие, и лишения, и беспросветная нужда, и заботы, заботы... Сколько надо было иметь сил, чтобы вынести все это! На их детей свалились немыслимые беды. С истинно русским смирением, требующим огромного напряжения физических и духовных сил, переносили они эти кары, относя их к испытаниям, ниспосланным Всевышним.

Вслед за арестом зятя и заботами об этой семье в первые же месяцы Великой Отечественной войны погиб на фронте их младший сын Иван. В 1944 году в возрасте 49 лет на глазах у отца от сердечного приступа во время сенокоса скончался старший сын Александр Ильич, оставив на руках полуграмотной жены Ольги Николаевны десятерых детей. Четверо ушли сражаться с врагом на фронт. Старший, Василий, безвестно погиб. Малышня, подрастая на глазах и с помощью этих стариков, в нищете и лишениях, не просто трудилась и училась, но получала образование, профессии и даже ученые звания. Их дочь Валентина Духанина – прославленная электросварщица, влившись в ряды строителей Западно-Сибирского металлургического завода по комсомольской путевке, стала гордостью этого многотысячного коллектива. Товарищи по труду избирали ее делегатом на XXII партийный съезд в Москву. А это тогда было бесспорным признанием.

Думаю, что это отступление позволит дополнить степень трагедии и необоримой воли нашей семьи.

Конечно, главные заботы о детях, доме и хозяйстве легли на плечи мамы. Это сейчас перед президентом страны ставят вопрос, чтобы матери, имеющей даже трех детей, платили зарплату. В те годы никто не задумывался над тем, за счет чего и как будет выживать многодетная семья. Мама пошла работать уборщицей, но после того, как сразу двое детей заболели, о работе пришлось забыть.

Выживали, как могли. Мамы хватало на все. Она хлопотала о письмах к разным высшим людям страны по поводу надуманных обвинений отцу и бедственного положения семьи, берегла хозяйство. Ведь только для коровы надо было заготовить на зиму не одну тонну сена. И мы дружной гурьбой пропалывали колхозные поля, косили стерню, собирая и затем высушивая сорняки на корм. Ранней весной извлекали из земли остатки промерзших за зиму клубней картофеля. Из них получались хорошие оладьи, правда, совсем черные.

В три часа утра мама уже была на ногах: готовила корм скотине, доила (пока была) корову, месила тесто, растапливала русскую печь, чтобы для рынка напечь лепешек или блинов. Нам, конечно, этих лакомств не доставалось. Они предназначались только для продажи, чтобы выжить семье. А для нас пеклись те самые черные картофельные оладьи. К шести часам она будила нас, чтобы успели до школы продать на вокзале эту снедь.

Хватало ее и на то, чтобы присматривать за нами: сделаны ли уроки, нарвать уши, если попадались на глаза с папиросой в зубах. Зато ни один из трех братьев так и не закурил, хотя у одного за плечами были окопы передовой на фронте, у двух других – работа на шахтах.

А ведь это была теперь не просто жизнь без отца...

Война, как ужасающая грозовая туча, накрыла нашу страну, извергая на землю разрывы снарядов, бомб и разящие фейерверки трассирующих пуль. Потоки беженцев, голод, боль и страдания затронули жизнь всех вокруг. Правда, мы перестали вздрагивать, услышав злобное «враги народа», потому что теперь у всего народа на устах был один общий враг – фашизм.

Все, от мала до велика, старались помочь фронту. В этом горе – все были равны. Даже от бомбежек мы перестали с соседями прятаться в погреб; теперь спать ложились вповалку, чтобы, если придет смерть, встретить ее вместе.

Могучие силы страны и трагедии войны мы видели каждый день. Наш дом стоял в сотне метров от железной дороги, по которой непрерывным потоком в разных направлениях шли эшелоны с солдатами, техникой, беженцами, проезжали длинные составы с красными крестами на вагонах.

Следуя традициям крестьянской семьи, мама проявляла строгость и категоричность в вопросах воспитания детей и особенно старших сестер. Им запрещалось уходить из дома поздно вечером и заводить сомнительные знакомства. А для нас – малолеток – существовало непреклонное правило: только сделав дело, можно гулять смело. Может сложиться впечатление, что мы жили в домашних застенках. Отнюдь! Сестры активно участвовали в художественной самодеятельности, хорошо пели, плясали. Часто выступали в клубе и перед ранеными в госпитале.

И хотя мама была исключительно верующим человеком: следила за православными праздниками, соблюдала посты, постоянно ходила в церковь (до нее было почти 10 километров, а свой храм в деревне рьяные безбожники разрушили), – но на детей жесткость религиозного воспитания не распространялась. Мы были свободны в своем выборе и, как награде, радовались разрешению пойти в церковь на причастие, освятить кулич на Пасху или славить Христа на Рождество.

Вот такими были моральные устои этой простой рабоче-крестьянской семьи. О себе мама не думала, будущее детей было для нее главным в жизни. В этом, как мне кажется, и состоит неопоримость русской женщины.

После 7-го класса, видя нужду семьи, доходящую до нищеты, я объявил, что пойду учиться на шофера. «Нет, – строго ответила мама, – пока у меня есть силы, не позволю тебе бросить школу. Как посмотрю в глаза отцу, когда он вернется домой?! Вот окончишь школу, а там, как Бог пошлет».

Обращаясь с просьбой разобраться по делу отца к верховному прокурору страны, мама писала: «Мой муж преданный, чуткий человек из трудового народа, несмотря на свои честные и уважаемые заслуги, по заочному решению тройки при закрытых дверях осужден и оста-

вил нас – такое большое и бессильное семейство: измученную болезнями жену, малых детей, которых воспитывал и учил в революционном духе. Они стали пионерами и комсомольцами, отличниками учебы. Не имея никакой помощи и поддержки, без кормильца и воспитателя – отца они зачастую бывают голодными и холодными. Что же теперь, я, не способная из-за болезни к физическому труду, должна с ними погибнуть?»

И далее...

«Не могу согласиться, что в Советском Союзе может существовать закон, допускающий издевательство над трудовыми людьми, бросать на погибель их детей...»

Значит, существовали такие негласные изуверские законы! С трибун звучали громкие слова о том, что Сталинская Конституция провозглашает защиту прав людей и страна «строит самое справедливое общество на земле». А на деле процветали клевета, зависть, желание выслужиться, которые могли не только уничтожить человека, но и являлись для кого-то нормой жизни и успешного карьерного роста.

А как жить с отметиной детей «врага народа»?

Одни, зная добрые устои нашей семьи, жалели нас, сочувствовали, старались по-возможности поддержать, помочь. Другие, наоборот, – стремились унижить, оскорбить и при любом удобном случае напомнить: кто мы такие.

Первым в жернова этих унижений попал старший брат – Рогатин Иван Николаевич. В 1941 году он с отличием окончил среднюю школу и подал документы в институт железнодорожного транспорта. Ему отказали с формулировкой: сын «врага народа». А когда вместе со всем мальчишеским выпуском класса Иван попросился на фронт, его одного, как неблагонадежного, вместо действующей армии направили на Урал в строительный батальон. Там, работая на мерзлоте, он заболел крупозным воспалением легких. И лишь после госпиталя в 1942 году попал на передовую и до конца войны воевал. Участвовал в боях на Курской дуге, форсировал Днепр, освобождал Украину, Румынию, Венгрию, Чехословакию, Германию. Многократно награждался. Прослужив в армии в общей сложности 51 год, в звании генерал-майора он ушел из жизни.

Влияние «добрых и злых гениев» семьи ярко отразилось на судьбе старшей сестры – Рогатиной Клавдии Николаевны. Характер у Клавы исключительно доброжелательный. Красавица, певунья – она была заводилой школьной жизни. И когда с переходом в старшие классы встал вопрос оплаты за обучение, не только семья, но и руководство школы ломало голову, как решить эту проблему. Директор предложил ей поработать старшей пионервожатой.

Великая Отечественная война застала Клаву в этой должности в школе. И когда под Смоленск направили в помощь фронту отряд девушек-старшеклассниц на рытье противотанковых укреплений, то во главе его была эта шестнадцатилетняя девочка.

Не добрались девушки до линии фронта. Где-то под Воронежем их высадили из эшелона в поле под бомбами и обстрелом фашистских самолетов. Вместе с толпами беженцев, перевозимых зной и холод, полураздетых, голодных, перепуганных девчонок – всех она привела обратно домой.

В 1944 году Клава вышла замуж за секретаря райкома комсомола Александра Андреевича Сухарева. Этот райком был в этом же поселке, поэтому все знали историю нашей семьи. Шесть лет А.А. Сухарев проработал в должности первого секретаря Тамбовского обкома комсомола. Заслужил уважение и любовь актива. Был на хорошем счету у партийного руководства области.

Но вот в 1949 году в газете «Правда» появилась статья, в которой коммунист Сухарев обвинялся в обмане партии как утаивший факт, что его жена является дочерью «врага народа». Лишь с третьей попытки голосования пленум освободил его от работы.

Пожалуй, каждому из нас – детей этой трудолюбивой и дружной семьи пришлось пронесть на себе клеймо «врага народа» – изгоя общества.

Когда мне исполнилось 14 лет, я, как и все ребята в классе, подал заявление о вступлении в ряды ВЛКСМ. На комсомольском собрании в школе приняли всех. Готовились к бюро райкома комсомола. В назначенный день мы столпились у дверей кабинета. Приглашают меня. И сразу вопрос:

– А где твой отец?

– Он сейчас в тюрьме, – отвечаю.

– Как! – восклицает товарищ из райкома партии. – За что осужден? Какая статья?

– 58, пункт 10, – заикаясь, говорю. Эти цифры, как у узников концентрационного лагеря, были выжжены у нас, только не на руке, а в сердце.

– Так это – враг народа! И ты хочешь пролезть в комсомол?

Затем, подумав, добавил:

– Товарищ Сталин говорит, что сын за отца не отвечает, но ты, верно, письма отцу пишешь и врага народа дорогим папочкой называешь? Я бы тебе посоветовал отказаться от такого отца. Вот тогда мы откроем тебе дорогу в ряды Ленинского комсомола.

Вышел я из кабинета, как оплеванный, готовый провалиться сквозь землю, пристыженный, убитый горем, не зная, куда спрятать глаза. Ведь я один из всех товарищей оказался не принятым. И такое... говорили о моем любимом отце! Недопустимо, ужасно, несправедливо!

Правда, через два года меня все-таки приняли в комсомол, и тот же райком подтвердил это решение. А через три месяца избрали секретарем комсомольской организации школы. С тех пор начался мой более чем тридцатилетний путь активной деятельности в рядах Ленинского комсомола.

Пройдя все ступени в этой организации, в гуще событий и дел в индустриальном Кузбассе, среди шахтеров, металлургов, строителей, тружеников села, интеллигенции, молодых людей увлеченных и творческих, – я всегда знал, что большинство в ней тех, кто не предаст, кто не откладывая готов идти работать и побеждать.

Наша средняя сестра Рогатина Ираида Николаевна была главной помощницей мамы в заботах о домашнем хозяйстве, хлопотах о нас – меньших братьях, наших успехах в учебе, поведении. Не секрет, что во время войны, особенно на железнодорожных станциях, процветали преступность и жульничество, и было трудно устоять от соблазна легких денег и воровства. Строгость, с которой она относилась к нам, я сейчас вспоминаю с большой благодарностью.

После завершения учебы в Тамбовском пединституте она была направлена в Белоруссию. Проработав там год, вышла замуж за одноклассника – Марченко Станислава, окончившего Московский горный институт.

Кстати, его отец Марченко Михаил Сергеевич в то время был первым секретарем райкома КПСС (Первомайский район Тамбовской области). Ира, в традициях истинно русской интеллигенции, вслед за мужем – горным инженером последовала в Сибирь. Здесь в поселке Краснобродский Кемеровской области она до ухода на пенсию работала в школе.

И, чтобы завершить краткую летопись семьи, скажу о нашем младшем брате Рогатине Николае Николаевиче. Мы с ним росли вместе, трудились вровень, и доставалось нам за шалости тоже поровну. Он тоже окончил Московский горный институт, работал на руднике в Белгородской области, затем первым секретарем Октябрьского райкома комсомола и директором научно-исследовательского института в Москве. Он автор учебника для вузов «Технология и механизация открытых горных работ». Защитил диссертацию – кандидат технических наук. К сожалению, рано ушел из жизни.

Горести и радости каждого из членов семьи ложились на хрупкие плечи мамы. Как она могла защитить нас от жестокого мира людской несправедливости? Да и грамоты у нее, как и у папы, было не ахти – незаконченная приходская сельская школа. Она мало говорила. Всплак-

нет, бывало, вспоминая добрым словом папу, и скажет: «Работа – спаситель наш от всех горестей и невзгод. Бог поможет!»

Вот так! Не согнулась под тяжестью лихолетья эта русская женщина. А дети «врага народа» благодаря трудолюбию, усердию и настойчивости, унаследованным от предков, в полной мере сумели реализовать свое право на достойное образование, профессию, работу.

Мы гордились своей страной, мы верили в нее, мы хотели стать и стали активными участниками ее созидательных процессов. Из семьи «врага народа» вышли доблестные защитники Родины, дипломированные специалисты промышленности и народного просвещения: генерал-майор, два горных инженера, два учителя, два кандидата наук, общественные деятели.

Написав это, я невольно остановился. Ведь история нашей семьи не исключение.

Бок о бок со мной уже шесть десятков лет несет все радости и невзгоды близкий, дорогой и любимый человек – моя жена Рогатина Людмила Ивановна. Ничто не смогло разрушить наш союз. Мы учились в одном классе, вместе закончили школу. И о семье, в которой она выросла, можно написать поучительную повесть.

Ее отец – Епихин Иван Михайлович – вернулся с Великой Отечественной войны после тяжелого ранения инвалидом и не мог быть полноценным помощником в семье. Поэтому мама – Епихина Нина Алексеевна, удивительно скромная трудолюбивая русская женщина стала той основой, на твердыне которой держалось нравственное и физическое существование семьи.

Талантливая самоучка, познавшая все тонкости и секреты портняжного дела, она день и ночь не разгибая спины трудилась, выполняя заказы знакомых. На том и зиждился их скромный достаток. Не берусь описать тяжелейшие условия жизни подрастающих друг за другом семерых детей, но все стали достойными гражданами страны. Правилom их жизни было: с думой о будущем получать знания и честно трудиться. Все дети успешно окончили среднюю школу, получили высшее и специальное образование. Среди них инженер, врач, два учителя, два техника, офицер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.